

Оглавление

1. Есть ли у республики тело? · 7
 2. Парламент как политическое тело — планы расположения мест в палате · 15
 - 2.1. Действительно ли демократия лишена образного ряда? · 15; 2.2. Базовые планы расположения мест в парламенте, и как они возникли · 19; 2.3. Тень от тела короля · 39; 2.4. Парламентаризация доктрины божественного права · 57
 3. Парламент как политическое тело — иммунитет, публичность, пропорциональность и прерывность · 61
 - 3.1. Похищение тела республикой · 61; 3.2. «Мера святости» — парламентский иммунитет · 71; 3.3. Парламентская кукла может говорить! — Вопрос о публичных дебатах · 84; 3.4. «Узнаваемый портрет населения» — парламентская пропорциональность · 98; 3.5. *Le parlement ne meurt jamais?* (Парламент не умирает никогда?) Парламентская прерывность · 106; 3.6. Прощание с телом народа? · 123
 4. Демократические тела / деспотические тела · 130
 - 4.1. Депутаты и двойники · 130; 4.2. *In corpore / in effigie* (1) · 136; 4.3. *In corpore / in effigie* (2) · 139; 4.4. *In corpore / in effigie* (3) · 141; 4.5. Горячее и холодное представительство · 145; 4.6. Насильственное / чудотворное · 147; 4.7. *Dignitas / humanitas* · 151; 4.8. Расколдовывание / переколдовывание · 156
- Библиография · 157

Рисунки и таблицы

Рисунки

1. Палата парламента во дворце Тюильри · 30
2. Парижский Манеж · 31
3. Преобразованный Зал малых забав (архитектор Пари), 1789 · 32
4. Проекты преобразования церкви Мадлен, 1791 · 33
5. Фронтиспис «Левиафана» Гоббса, 1651 · 42
6. Карл VII в *lit de justice*, 1458 · 45
7. Собрание в Аппенцелле (Швейцария), XVIII в. · 47
8. Политическое тело, или Интеллект на марше · 54
9. Коронованным плутам — пища для размышлений · 63
10. Кровь убиенного вызывает к мести · 107
11. Правительство Робеспьера · 116
12. Американский солдат уничтожает портрет Саддама Хусейна · 135
13. «Зарисовки человека, подвешенного за левую ногу» Андреа дель Сарто (1486–1530) · 138
14. Труп Муссолини на Пьяцца Лорето (Милан) · 138
15. Бюсты Неккера и герцога Орлеанского · 141
16. Берлускони до и после пересадки волос · 152

Таблицы

- 2.1. Базовые типы расположения мест в парламенте · 22
- 2.2. Место, с которого депутаты обращаются к парламенту · 23
- 2.3. Резюме 1: хронология современных планов расположения мест в парламенте · 38

1

Есть ли у республики тело?

Р*EX EST POPULUS* (король есть народ) — так в годы Английской гражданской войны Томас Гоббс резюмировал свою теорию политического представительства. Концепция короля как народа, «поскольку народ проявляет себя как целое посредством единой королевской воли» (Duso 2006: 24), была направлена против парламентариев, которые в своих полемических сочинениях настаивали на том, что функция «представительства всего королевства» должна принадлежать не королю, а парламенту (Skinner 2005: 163). Английская революция завершилась конституционным компромиссом, оставившим за королем — и палатой лордов — функцию верховного представительства. Однако в ходе Французской революции идея исключительно парламентского представительства нового суверена, народа, одержала триумфальную победу над принципом (полного или частичного) монархического представительства. Теперь «конвент есть народ» (цит. по: Heurtin 2005: 768): т.е. народ проявляет (и конституирует) себя как политическое единство благодаря народной воле, которую выражает парламент (см. ниже раздел 3.2 главы 3). И хотя идее парламентского представительства суверенного народа не удалось избежать критики, она продолжает доминировать в мире наших демократических фантазмов. В 1962 г., в речи во француз-

ском Национальном собрании, Поль Рейно разъяснял: «Во всех цивилизованных странах парламент считается представителем нации. Когда избранные депутаты дискутируют и голосуют, они делают это, обладая особым качеством представителей нации. Для нас, республиканцев, Франция существует здесь и нигде более». Эти слова не остались в Собрании без ответа. Депутат Руллан возразил: «Она [Франция] не только на вашей стороне», а Гийон заявил, что «Франция существует в народе» (все цитаты по: Morin 1998: 159).

Согласно преобладающим в демократических обществах представлениям о самих себе, переход суверенитета от монарха к народу и его парламентскому выражению в основном положил конец церемониальной, зрелищной, театральной стороне правления, столь характерной для *ancien régime*, а колдовские чары монархических образов уступили место демократическим рациональности и трезвости. Современная демократия по сути своей «постметафизична» (Habermas 1992a), она является наследием не-метафорического рационального права и, следовательно, носит по преимуществу иконоборческий характер. Быть может, наиболее ясным тому свидетельством является судьба пред-современной теории двух тел короля — смертного физического тела и вечного политического тела, — теории, занимавшей центральное место в конституционном строе *ancien régime* и часто находившей выражение в пышных сценографиях королевского правления. Теория двух тел поражает нас сегодня своей странностью и нелепостью и, по мнению некоторых авторов, не имеет аналогов в демократии. Даже Фуко, непримиримый критик Просвещения, лучше других чувствовавший социально-политическую роль тела, приходил к выводу: «она [Респуб-

лика] никогда не функционировала так, как действовало тело короля при монархии. У Республики нет тела» (Foucault 1978: 28; 1980: 55; Фуко 2002: 161).

Республика состоит из индивидов, которые в демократическом голосовании становятся числами (Rosanvallon 2006; Gueniffey 1993; Crook 2002). Но есть ли у республики тело? Нередко утверждают, что именно отказ от идеи политического тела знаменует переход от режима личного правления к современной представительной демократии, а демократия начинается тогда, когда наступает «конец всех „механизмов воплощения“» (Charim 2006: 16), или сопровождает «развоплощение (disembodiment) власти» (Lefort 1988: 17), или «устанавливается как общество без тела» (ibid.: 18; Лэфор 1999: 26).

В последующих главах мы попытаемся показать, что политическое тело, хотя его часто и объявляют умершим, продолжает жить в демократии, или, по крайней мере, ведет в ней свое посмертное существование. Во многих отношениях идея народного суверенитета является интеллектуальной копией идеи монархического суверенитета (ср. Kielmansegg 1977) и потому не может избавиться от ее влияния. Бертран де Жувенель удачно сформулировал эту мысль, когда писал, что король вовсе не исчез в результате Французской революции (ср.: Schmitt 1969: 195, п. 119; Schmitt 1971). Согласно конституционной доктрине *ancien régime*, задача правителя — *representatio in toto* (представительство целого): он «символизирует единство общества и воплощает способность государства к действию» (Schmitt 1969: 189–190). Функция парламента, с другой стороны, заключается в представительстве интересов сословий (*representatio singulariter*, представительство отдельного) перед лицом короля. В результате революции король исчез как институт, но не как

функция, поскольку функцию *representatio in toto* взял на себя парламент. «Король не исчез: его преемником стал законодатель как представитель национального интереса. Но что действительно исчезло, так это представительство индивидуальных общественных интересов» (Schmitt 1969: 195, п. 119). И это отразилось на возможных символических формах парламентского представительства *in toto*, которое, как мы увидим, имитирует многие формы королевского представительства. Так что в последующих главах речь пойдет главным образом о следах монархии, оставленных в демократических практиках, и, следовательно, о преддемократических понятиях, сохраняющихся в теории демократии. Это особенно хорошо видно на примере идеи политического тела и ее семантической трансформации в демократической политике.

Обычно народный суверенитет понимают негативно, как критическое противоположение абсолютистскому суверенитету (ср.: Raynaud 2001: 869). Но это означает, что данное понятие сохраняет тесную связь с тем, критикой чего оно выступает, в том числе на уровне публичного церемониала и форм, в которых понятие народа репрезентируется в качестве нового суверена в демократии. В этих формах часто находит выражение идея правления через политическое тело народа. Строго говоря, образ народа как единого политического деятеля — ничуть не меньший фантазм, чем образ двойного тела короля, но его многократная сценическая демонстрация приводит к тому, что он начинает рассматриваться не как продукт ритуальной церемонии, но как естественная, самоочевидная часть практики демократического правления, подобно тому, как в рамках *ancien régime* королевское *lit de justice* (заседание парламента с участием короля) рассматрива-

лось не просто как церемония, но как неотъемлемая часть монархической системы правления.

«Идея некоего общественного тела, которое якобы создается совокупностью волей», и в этом мы можем согласиться с Фуко, является «самым большим фантазмом» демократии (Foucault 1980: 55; Фуко 2002: 161). Однако, как будет показано ниже, фантазм единого демократического тела можно найти главным образом в демонстрации единства, достоинства и священного характера политического представительства, которое, в свою очередь, заимствовано из образов политического суверенитета *ancien régime*. Ниже мы приведем несколько примеров в подкрепление тезиса о том, что политическое тело продолжает жить в демократии. Основное внимание будет обращено на физическую репрезентацию, или образный ряд демократического правления, и на то, что из этого следует для теорий демократического представительства. Наши вопросы могут показаться второстепенными. Например, почему после Французской революции доминирующим планом расположения депутатских мест в парламенте стал полукруг? Почему Англии понадобилось гораздо больше времени, чем Франции, на то, чтобы парламентские дебаты стали публичными? Как на самом деле появился и упрочился принцип парламентского иммунитета? Чем объясняется идея, что парламент и *demos* должны находиться в отношении пропорционального соответствия? Почему мы думаем, что парламент должен как можно точнее отражать разнообразие, существующее в обществе? Как мы отмечаем начало и конец парламентского срока, когда парламенту предоставляются полномочия представлять народ и когда эти полномочия отзываются? Почему в конце одного парламентского срока законода-

тельный процесс прерывается, а в начале следующего срока начинается заново?

Какими бы второстепенными ни показались эти вопросы, их выбор не случаен. На примере некоторых практик, плохо согласующихся с новым порядком, особенно хорошо видно, что демократия вышла из формы правления, которая ей предшествовала. Человеческие существа проявляют редкую изобретательность, когда приводят *a posteriori* новые доводы в пользу старой практики и придают новый смысл тому, что стало бессмысленным. На периферии парламентской демократии законсервированные практики были преобразованы лишь частично, и именно поэтому они легко поддаются нашей «герменевтике подозрения».

В последующих главах мы рассмотрим не только новое двойное тело (т. е. народ и его парламентский образ), но и тела некоторых современных политиков в сопровождении их медийной драматургии. В поле нашего внимания окажутся также свойства, присущие представителю парламентскому телу, такие, например, как его притязание на высокое достоинство и неприкосновенность. Политическая харизма все еще сопровождается образами политического дара благодати, «избранности», подтверждаемой задним числом в демократическом ритуале выборов.

Итак, центральный тезис этой книги состоит в том, что современная демократия не *пост*метафизична, а, так сказать, *нео*метафизична. Всякая политическая власть — и демократия в том числе — нуждается в политической мифологии и производит ее: «Полностью расколдованный мир является полностью деполитизированным миром» (Geertz 1985: 30). Любая форма политического правления оперирует в контексте символического ряда, ко-

торый ее легитимирует («Не бывает власти без показухи», Lefort and Gauchet 1971: 98)¹ и освящает. Во все времена «господство и спасение (*Herrschaft and Heil*)» (Assmann 2002) тесно связаны друг с другом. «Сила власти зиждется не только на реальных средствах, которые находятся в ее распоряжении, но и в меньшей степени на постоянном насаждении привычных образов и фикций; ей необходимы рациональное признание и магия влияния; она должна оперировать [...] зримыми инструментами и править из непостижимого высшего мира» (Жак Неккер, цит. по: Gablentz 1965: 193).

Один из предрассудков нашего «просвещенного» века состоит в том, что это якобы относится к иным временам и странам. Однако расколдовывание старого порядка, сопровождавшее демократическую революцию, приводит к новому колдовству, которое производит новый демократический порядок. Карл Шмитт полагал, что каждая эпоха имеет политический строй, соответствующий ее мифологии (Schmitt 1985a; Шмитт 2000b). Материал, который приводится нами ниже, свидетельствует в пользу противоположного и, на мой взгляд, более правдоподобного тезиса, а именно, что каждая эпоха имеет мифологию, соответствующую ее политическому строю. Если в этом контексте применимо понятие политической теологии, то она означает не секуляризацию в политике исходно религиозных понятий, как считал Шмитт, но скорее — как

1. Для Лефора и Гоше (Lefort and Gauchet 1971: 98) символические или «демонстративные» элементы власти включают особый способ употребления языка, трепетное отношение к престижу и апелляцию к легендарному прошлому. Ср. также: «Господство [...] не существует как отдельная политическая сущность, вне ее самопровозглашения» (Rolf 2006: 46).

полагают Ян Ассман (Assmann 2002) или Якоб Таубес (Taubes 1983), — придание религиозного смысла изначально секулярно-политическим понятиям.

Данная книга представляет собой перевод, исправленный и дополненный, моей книги «*Im Schatten des Königs*», вышедшей в 2008 г. в издательстве «*Suhrkamp*». Немецкое издание было основано на результатах двух продолжительных исследований, опубликованных в 2004 и 2006 гг. журналом «*Leviathan*»², одно из которых посвящено планам расположения парламентских мест, а другое — парламенту как политическому телу. Мне бы хотелось выразить благодарность редакции журнала за разрешение воспроизвести эти тексты в моей книге.

Помощью в подготовке книги к печати, моральной поддержкой и критикой я обязан многим людям. Среди них: Анника Шульте, Доминик Хайнц, Ингеборг Стромейер, Бодо фон Грейф и Ханне Херкоммер, Вольфганг Строек, Альбрехт Кошорке (замечательное исследование которого о «фиктивном государстве» — Koschorke et al. 2007, к сожалению, я смог лишь частично учесть в книге), Хорст Бредекамп, Ульрих Глассман, Андре Кайзер, Юрген Каубе, Марион Мюллер, Томас Циттель, Патрик Камиллер и Сара Ламберт. Разумеется, сколь бы весомой ни была их помощь, я один несу ответственность за все ошибки, которые остались неисправленными.

2. Philip Manow, «Der demokratische Leviathan — eine kurze Geschichte parlamentarischer Sitzanordnungen seit der Französischen Revolution», *Leviathan* 32 (2) (2004): 319–347; Philip Manow, «Die politische Anatomie demokratischer Repräsentation», *Leviathan* 34 (2) (2006): 149–181.

2

Парламент как политическое тело — планы расположения мест в палате

2.1

Действительно ли демократия лишена образного ряда?

ЕСЛИ судить по количеству работ, опубликованных в последнее время, парламентская архитектура привлекает к себе все больший интерес¹. Однако, что поразительно, в них в лучшем случае мельком затрагивается, а то и вовсе не рассматривается один из важнейших элементов архитектурной формы, а именно план расположения парламентских мест. Насколько мне известно, в научной литературе этот вопрос специально затрагивался в работах двух авторов — Гудселла (Goodsell 1988) и Дёринга (Döring 1995a)². Оба придерживаются мнения, что схемы парламентских мест не могут быть объяснены чисто функциональными причинами — тем, например, что они позволяют лучше

1. См., например: Stamp 2000; Cullen 1983, 1989, 1995; Cullen and Kieling 1992; Reiche 1988; Wefing 1995, 1999; Flagge 1992; Hipp and Seidl 1996; Kündiger 2000; Denk and Matzerath 2000; Dörner 2001; Biefang 2002; Port 1976.

2. Обсуждение смежных вопросов см., например: Interparliamentary Union 1976; Mopin 1998; Chwe 2001; Sennett 1998; и Mergel 2002.

слышать или видеть выступающих, — но являются также, и даже главным образом, выражением политической культуры, формированию которой сами отчасти способствуют. К примеру, тот факт, что «скамьи», занимаемые правительством и оппозицией в британской палате общин, расположены напротив друг друга, рассматривается как выражение концепции «состязательных» демократических политических дебатов (ср.: *Interparliamentary Union* 1976: 258), в то время как в системах, более склонных к консенсусу, более подходящим выражением пропорционального представительства всех политических сил считается полукруг (ср.: *Döring* 1995a). В какой-то мере здесь применяется аргумент, противоположный тезису «форма следует за культурой», а именно, что сама архитектурная форма оказывает влияние на парламентскую и политическую культуру. Сколь бы убедительными или неубедительными ни были аргументы Гудселла, Дёринга и других авторов, совершенно непонятно, почему центральный локус политического правления в современных западных обществах — «важнейший институт в системе демократического разделения властей» (Beume 1992: 33) — столь мало изучался с точки зрения его символично-репрезентативной формы. Конечно, вместе с растущим объемом всей литературы по парламентской архитектуре в целом появились исследования, посвященные парламентской символике (Palzelt 2001) и иконологии (Reiche 1988), парламентским ритуалам и церемониям (Müller 2003; Mergel 2002). Однако форма самого зала для заседаний и особенно расположение мест до сих пор изучались крайне поверхностно.

Это наблюдение в общем и целом относится также к подходам, отталкивающимся от истории искусства или иконологии. В них рассматривается во-

прос, претерпела ли изменения в процессе перехода от монархического абсолютизма к демократическому обществу широкая программа легитимации и репрезентации политической власти, реализуемая при помощи картин, садов, замков или салютов, а также других публичных спектаклей, таких как театральные представления и церемонии (Burke 1993). Что перешло в сегодняшний день из пышных представлений прошлого? Какие графические образы прошлого связаны с «помпой и политикой» (Paulmann 2000) в современных демократиях? Что появляется на месте короля и его двора, когда они, в прямом смысле слова, перестают служить воплощением политической власти (Kantorowicz 1957 [1998]; Канторович 2014)? Или на их месте ничего не появляется?

В ответ обычно говорят, что демократия просто-напросто лишена образного ряда. После разрыва с «традиционными способами репрезентации единства и объединения в обществе», присущими позднему абсолютизму, современные демократические системы столкнулись с трудной дилеммой — «невозможностью и в то же время необходимостью символической репрезентации» (Klinger 2002: 224); перед ними встала неразрешимая проблема «визуализации народной власти» (Falkenhausen 1993: 1019). В демократии «место власти оказывается необозначенным» (Lefort 1988: 17; Лефор 2000: 26); оказывается, что это «пустое место» (ср.: de Maza 2003). Проблемы с метафорической репрезентацией считаются «характерной чертой демократии» (Koschorke et al. 2007: 251); демократическое правление сосредоточено вокруг пустого центра, «имажинативного вакуума», «пространства без образов» (ibid.). Поэтому, делают вывод в первую очередь скептики, демократиям «трудно стать видимыми»

(Arndt 1992: 58). Считается также, что, по сути дела, неспособность договориться о единой программе образов есть выражение плюрализма современных демократических обществ (Веуме 1996: 31). В результате их «образ самих себя» оказывается по необходимости «скромным» (Веуме 1992: 45). Неприятие «мощных, эстетически ярких образов» — странный «недостаток» и сбивающая с толку «слабость» демократии (Grasskamp 1992: 7, 9). Но почему тогда, учитывая все эти резко негативные суждения, никогда не проводился сколько-нибудь тщательный анализ образов центрального локуса современного политического правления — демократически избираемой палаты депутатов?

Более внимательный анализ планов расположения мест в парламенте покажет, что суждение об отсутствии образного ряда в современном демократическом правлении является необоснованным. Наш главный аргумент состоит в том, что именно в такого рода схемах проявляется «посмертная жизнь» политической теории и теологии, главное место в которых занимает (священное) политическое тело. Если этот тезис верен, то из него следуют важные выводы, позволяющие лучше понять функциональные предпосылки современных демократий, а также их культурные корни, которые будут кратко рассмотрены нами в конце главы.

Данная глава имеет следующую структуру. Начинается она с того, что, как следует из перечня парламентских планов расположения мест в развитых демократиях, имеются две базовые формы (и две главные вариации). Первая хорошо известна по британской палате общин: скамьи правительства и скамьи оппозиции расположены напротив друг друга, а трибуна спикера — в центре торцевой стены. Этот план содержит черты, напоминающие пред-

ставительство средневековых сословий, которые доминировали в классических европейских парламентах в период до Французской революции (ср.: Myers 1975), хотя в случае с Британией столь прямая родословная и отсутствует. Второй «современной» формой является французский полукруг, который в конце концов был принят в большинстве западных демократий после 1789 года.

Третий раздел посвящен рассмотрению различных гипотез, выдвигавшихся вплоть до сегодняшнего дня для объяснения того, почему та или иная нация избрала ту или иную форму. В четвертом разделе рассматривается долгое время игнорировавшаяся преюмственность образов и символики в полусферической форме, которая подсказывает новое объяснение существующих вариаций. Наконец, завершает главу краткий обзор основных выводов моей аргументации для теории демократии.

2.2

Базовые планы расположения мест в парламенте, и как они возникли

Чтобы сделать понятным эмпирический феномен, о котором идет речь, приведем перечень существующих планов и посмотрим, чем они отличаются друг от друга. Для этого нам также потребуется как можно более точная реконструкция развития этих форм во времени.

Начнем с соображения общего характера. До 1789 г. доминировала модель парламента в форме прямоугольника, в одном торце которого восседал монарх (как «точка притяжения внимания», Goodsell 1988: 293), а первое и второе сословия (духовенство, знать) занимали скамьи вдоль стен слева

и справа от него. В некоторых случаях представители третьего сословия (по большей части городские сановники, иногда крупные землевладельцы) сидели напротив монарха³. После Французской революции доминирующей схемой стал полукруг⁴. Это говорит о том, что перед нами — систематический временной сдвиг, требующий столь же систематического объяснения. Схемы расположения мест появились не случайно, они сопровождали фундаментальный разрыв с прежней традицией политической легитимации. И разрыв этот произошел во время Французской революции.

Британская и французская схемы расположения мест в парламенте встречаются в других странах в слегка модифицированном виде. Наиболее важной вариацией «вестминстерской модели» является «соединение» двух рядов скамей в форму U-образной подковы, обращенной к трибуне спикера. Мы встречаем ее, например, в Австралии, Новой Зеландии, Индии и Ирландии, хотя в каждом слу-

-
3. Одним из примеров долгосрочных последствий этого плана расположения мест был голландский парламент, который не был организован согласно лево-правой схеме до тех пор, пока его не перестроили в 1970-х гг. Вместо этого католическая и кальвинистская партии располагались справа от спикера — там, где в старину сидело духовенство (Interparliamentary Union 1976: 259).
4. В отличие от Дёринга, я ограничусь в своих наблюдениях планом расположения мест, отвлекаясь от того, имел ли зал форму прямоугольника, полукруга или полного круга. Вряд ли следует придавать слишком большое символическое значение плану здания на нулевой отметке (Wefing 1995: 136, п. 202), и, по-видимому, бессмысленно учитывать это в обсуждении схем расположения парламентских мест. Такого мнения придерживается и Межпарламентский союз (Interparliamentary Union 1976: 257): «Планы расположения мест важнее формы зала».

чае полукруг разрезан проходом, выдающим британские корни. Аналогичные изменения предлагались при реконструкции Вестминстерского дворца после опустошительного пожара 1834 г. и бомбежек Второй мировой войны (Port 1976: 20–52), однако эти предложения так и не были реализованы. Тот факт, что форма подковы была принята главным образом в странах Содружества или в бывших британских колониях, пусть даже прямо и не следовавших британскому образцу, доказывает, что это не независимый тип и не простое «продолжение» французской полусферы (ср.: Döring 1995a: 283, Table 1), но скорее попытка сблизиться с уже занявшей доминирующие позиции полусферической формой⁵.

Незначительным отходом от французского оригинала является смешанная полукруговая форма, встречающаяся в немецком, австрийском или итальянском парламентах, где ряды правительственных скамей (как и некоторые скамьи других представителей исполнительной власти или спикера) обращены к собранию. Такие правительственные скамьи могут располагаться справа и слева от пюпитра, или простираться подобно радуге (как в Германии, Австрии и Японии), или же находиться прямо перед пюпитром или кафедрой спикера (как в Италии). В исходной французской полусфере таких отдель-

5. Еще одним важным примером в пользу этого аргумента является венгерский парламент, архитектор которого Имре Штейндль, строго следуя вестминстерской модели, все же предпочел вытянутый U-образный план. Одним из курьезных результатов стало то, что правительственные скамьи, находящиеся в первом ряду «подковы», растянута по всему полукругу и расположены как перед проправительственными, так и перед оппозиционными «задними скамьями».

ТАБЛИЦА 2.1. Базовые типы
расположения мест в парламенте

Базовая форма	(Классический) пример	Страны
I «архаическая» форма: прямоугольная; скамьи правительства и оппозиции расположены вдоль стен друг напротив друга	палата общин	Британия, Канада, Сингапур
Ia вариация: подкова	Палата парламента, Австралия	Австралия, Индия, Ирландия, Новая Зеландия
II «современная» форма: полукруг	Бурбонский дворец	Франция, Бельгия, Дания, Норвегия, США
IIa вариация: полукруговая, скамьи правительства обращены к парламенту; иногда треть или две трети круга	немецкий бундестаг; Палаццо Монтечиторио	Германия, Италия, Австрия, Нидерланды, Швейцария, Япония

ных скамей не существует: члены правительства сидят в первом ряду депутатов Национального собрания, как и в бельгийском и британском парламентах. Британские парламентарии, включая министров правительства, выступают со своих мест, в то время как в полукруговых палатах они обычно подходят к центральному пюпитру, поставленному на основание той или иной высоты (известными исключениями служат американский Сенат и Палаццо Монтечиторио в Риме, члены которых выступают со своих индивидуальных пюпитров). Во Франции депутаты сидят на своих местах, когда обсуждают законо-

ТАБЛИЦА 2.2. Место, с которого депутаты
обращаются к парламенту

Депутатское место	Пюпитр/кафедра спикера	Депутатское место либо кафедра
Содружество:	Австрия	Франция
Британия	Бельгия	Швеция
Австралия	Дания	
Канада	Финляндия	
Индия	Германия	
Малави	Япония	
Малайзия	Нидерланды	
Новая Зеландия	Норвегия	
Сьерра-Леоне	Испания	
Шри-Ланка	Швейцария	
Замбия	США (палата представителей)	
Бышие британские колонии:	Бышие французские и бельгийские колонии:	
Кувейт	Берег Слоновой Кости	
США (Сенат)	Сенегал	
Ирландия	Заир	
Италия		

Источник: Interparliamentary Union (IPU) 1976: 369–376, table 29

проекты, в то время как докладчик и министры выступают в поддержку предложений правительства, подходя к пюпитру (см. таблицу 2.2). В принципе, депутаты во Франции могут сами выбирать, где они желают выступить⁶. Не всегда строго соблюдается

6. Статья 54, параграф 4 Регламента французского парламента, опубликованного в ноябре 2006 г., гласит в официальном английском переводе: «Депутаты должны говорить с кафедры или со своих мест; председатель может пригласить депутатов пройти к кафедре». На самом деле «речи, которые считаются важными, обычно произносятся с трибуны» (Rioux 1986: 490–491). В Германии во времена Вей-

и принцип полукруга. Иногда форма может напоминать, скорее, треть круга или, как в новом немецком бундестаге, две трети круга.

Полный круг часто рассматривается как третья независимая форма, однако на самом деле в случае национальных парламентов является редчайшим исключением⁷. Такая форма существовала, да и то лишь с известным приближением, в Финляндии (круглая палата с расположением мест по трем четвертям круга), в Германии в течение непродолжительного периода 1992–1999 гг. (т. е. после открытия спроектированного Бенишем зала пленарных заседаний в Бонне и до переезда Бундестага в Берлин) и в (старом) зале Европейского парламента в Страсбурге.

Таким образом, если отвлечься от формы круга, страны можно сгруппировать по двум главным формам, каждая из которых имеет по одной вариации (см. таблицу 2.1). Чем это объясняется?

марской республики депутаты тоже имели возможность выступать с мест, что, по-видимому, перешло по наследству от позднего конституционализма, трактовавшего парламент и правительство как оппонентов (Mergel 2002: 146), — концепции, подкрепленной размещением правительственных скамей позади кафедры.

7. Картина будет выглядеть иначе, если включить в рассмотрение региональные собрания, особенно заседавшие в новых зданиях. О немецких собраниях см. обзор: Cullen 1989: 1853–1867; подробное и тонкое исследование региональных парламентов Саксонии содержится в кн.: Denk and Matzerath 2000. Насколько мне известно, существующие ныне собрания в Северной Рейн-Вестфалии, Шлезвиг-Гольштейне, Рейнланд-Пфальце, Берлине и Саксонии используют круговое расположение мест (ср. Goodsell 1988). В международных организациях, требующих, чтобы все члены пользовались равными правами, часто применяется круговая форма.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru